

ИЛЬЯ КОГАН

ГДЕ ТЫ БЫЛ, ЧЕЛОВЕК?

*Вы спрашиваете: где был тогда Бог?
А где был человек?*

Шесть писем внуку

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Дорогой мой!
Я хочу рассказать тебе о том, как меня хотели убить.
Меня.
И твою бабушку.
И еще много-много миллионов других людей.

Представляешь?
Светило бы солнце.
Или шел легкий дождь.
Скрипел трамвай за окном.
И мальчик, забравшись с ногами на диван, читал бы «Остров сокровищ».
Но это был бы не ты.
Потому что твоего дедушку могли убить совсем маленьким.
Расстрелять.
Или задушить в газовой камере.
И сжечь в печи крематория.

Эти печи горели днем и ночью...
И днем, и ночью поднимался дым над высокими трубами.
И деревья, и кусты вокруг стали совсем серыми от пепла.
Иногда он срывался с веток, и тогда по округе расползлся шорох.
Словно еле слышный шепот:
- За что?..

Понимаешь!
Они не знали — за что.
Им говорили:
- За то, что вы евреи!
А они снова спрашивали:
- За что?
Им говорили:
- Евреи виноваты во всех наших несчастьях!

А они не понимали:

- За что?

Им говорили:

- Евреи не должны жить среди нас!

А старенькие бабушки переспрашивали:

- Что они говорят?

И обращали глаза к небу.

И искали там что-то своими выцветшими глазами.

А небо было пустым и прозрачным.

И только столбы дыма нарушали его чистоту.

- Где же ты, Господи?

Дым собирался в облака.

И они выпадали дождем за тридевять земель от смерти.

И корни, и стволы деревьев напивались детскими сказками...

шепотом влюбленных... ожиданием радости...

и ужасом последней минуты...

В сумерках этих лесов туман рисует бесплотные фигуры.

Но проходит над ними ветер.

И не остается ничего, кроме неслышного эха:

- Где же ты был, Господи?

Но ветер проходит снова.

Он срывается с неба... он гремит в лесу...

- А где был ты, человек?

Да, дорогой мой!

От этого вопроса никуда не деться.

Пусть давно уже нет тех, кто решил нас убить.

Тех, кто аплодировал чужому горю.

Тех, кто был равнодушен к нему.

И тех, кто жертвовал собой ради спасения обреченных.

Я хочу, чтобы ты знал и о тех, и о других.

Я расскажу тебе историю одной семьи.

Светловолосые и голубоглазые Леви были немецкими евреями.

Они жили в Германии.

И немецкая няня пела им про лесного царя...

И про златоволосую Лорелей...

И про Крысолова из Гаммельна...

А дедушка Эшер читал им Тору.
И учил каждого из них семейной мудрости:
«Всегда помни, что ты – гордый гражданин Пруссии и обладаешь равными правами наравне со всеми остальными. И никогда не забывай, что ты еврей. Если ты забудешь, всегда найдутся те, кто напомнят тебе о твоём происхождении».

Внуки старого Эшера искренне следовали заветам деда.
Они зажигали ханукальные свечи, соблюдали кашрут.
И верой и правдой служили своей стране.
Были врачами, юристами, учеными.
Торговали зерном и лесом.
Издавали газеты.
Они сражались на фронтах Первой мировой войны.
И получали Железные кресты за отвагу.
И никто из них не считал, кого в нем больше: немца или еврея.

Все изменилось в один день.
В январе 1933 года к власти в Германии пришли фашисты.
И 1 апреля они объявили бойкот еврейским предприятиям и магазинам.
У ворот лесопилки Леви встали вооруженные молодчики.
А мимо шли демонстранты с плакатами.
И на каждом были слова ненависти и презрения.
И знаешь, что было самым страшным?
Эти мерзкие плакаты несли те, кого Леви знали много лет.
Их мясник... их молочница... их пекарь...
Вчерашние добрые соседи.
Недавние друзья...
Немецкая родина отрекалась от своих еврейских детей.

- За что? – спрашивали внуки старого Эшера.
- За то, что вы еврей! – отвечали им.

Это невозможно понять!
Гражданином Германии мог быть убийца.
И грабитель.
И мошенник.
Но только не еврей!
- Еврей – враг! – внушали народу фашисты.
И добропорядочные немцы соглашались с этим.
- Еврей должен знать свое место! – вопила толпа.

Первым уволили Леви, который преподавал в университете.
А потом – Леви, который был чиновником в городском магистрате.
А потом Леви, который служил в суде.
А как-то ночью под окнами Леви запылали костры.

Горели книги.
В огонь летели Маркс и Гейне...Фрейд и Эйнштейн...
Еврей-философы...еврей-ученые... еврей-поэты...
Германия жгла свою мысль.
Свой гений.
В страну возвращался ужас средних веков.

Однажды утром в дверь постучал полицейский Науман.
- На общественные работы! – приказал он.
Стариков Леви заставили мыть улицы.
И не швабрами, а зубными щетками.
- Пусть!.. Пусть поработают! – злорадствовали прохожие.

А потом пришло время желтой звезды.
Каждый из Леви должен был носить этот позорный знак.
Чтобы издалека было видно: идет еврей!
Леви запретили ездить в трамвае.
Нельзя было ходить в кино, в театр – никаких развлечений!
А молодых Леви исключили из немецких школ.

И тогда они поняли: Германии не нужна их любовь.
И не нужны они сами.

Вечер перед отъездом пришелся на канун Песаха.
В доме, купленном еще старым Эшером Леви, зашторили окна.
Горели свечи.
Дети задавали положенные по древнему ритуалу вопросы.
Взрослые отвечали.
Все было так же, как и тысячу... и две... и три тысячи лет назад...
Ночь накануне Исхода.

Только где-то в соседнем доме играл рояль.
И к аромату цветущих лип примешивался запах бумажной гари...

Потом, спустя много лет, добропорядочный немец скажет:
- Когда пришли за коммунистами, я сказал себе: я же не коммунист...
- Когда пришли за профсоюзами, я сказал себе: я же не состою в профсоюзах...
- Когда пришли за евреями, я сказал себе: но я же не еврей....

И, подумав, с горечью добавит:
- Но когда пришли за мной, за меня уж некому было вступиться!».

А до «Хрустальной ночи» оставалось два года.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Дорогой мой!

Теперь я расскажу тебе, что такое «Хрустальная ночь».

Жили-были Гриншпаны.

Евреи из Польши.

Вечные беженцы.

Сначала их выгнали польские власти.

Сразу после Первой мировой войны.

И они кое-как перебивались в Германии.

А потом пришли фашисты и велели Гриншпанам убираться обратно.

Да не тут то было.

- Гэт! – приказали поляки.

И несчастные Гриншпаны вместе с двенадцатью тысячами таких же бедолаг застряли на ничейной земле.

Без еды и крова.

О своей беде Гриншпаны написали сыну, который учился в Париже.

Что мог сделать семнадцатилетний мальчик?

Сообщить в газеты?

Просить о помощи правительство Франции?

Но французы и так все знали.

Так же как и американцы.

И англичане.

Все они дружно осуждали злодеев-фашистов.

Но никто не спешил приютить бездомных евреев.

Более того.

Когда забрезжила надежда отправить беженцев в Палестину, британское правительство заявило, что будет топить корабли с ними.

Как образумить мир?

И Гершель Гриншпан решился на отчаянный шаг:

он выстрелил в немецкого дипломата.

Если бы он знал, какую адскую машину запустил его выстрел!

У немецких фашистов появился повод уничтожить еврейскую общину Германии.

В ночь на 10 ноября 1938 года начались погромы.

Они были тщательно организованы.

Банды штурмовиков врываются в еврейские дома, били посуду, крушили мебель.

А хозяев выгоняли на улицу.

И убивали.

А чтобы у погромщиков случайно не появилось желание пощадить «своего» еврея, их специально вывозили в соседние города.
Где жертвы были «чужими».

К утру все места, где жили евреи, были усеяны битым стеклом.
С тех пор ночь погрома получила название «хрустальной».

В эту ночь погиб последний из семьи Леви.
Единственный отказавшийся покинуть родину.
Дом Леви сожгли, а их семейное дело конфисковали и передали арийцу.
Герру Абелю.

В эту ночь были разграблены более семи тысяч еврейских магазинов.
Сожжены или разрушены почти все синагоги.
Двадцать тысяч евреев отправлены в концентрационные лагеря.
За убийство немецкого дипломата на всю общину был наложен коллективный штраф в один миллиард марок.

И что же?
Неужели никто в Германии не возразил против этого?
Неужели в стране не нашлось никого, кто помог бы несчастным в эту страшную ночь?

К сожалению, пять лет фашизма не прошли даром.
В Германии оставалось все меньше людей, чьи души еще были открыты милосердию.
И все-таки они были.

Я расскажу тебе о таком человеке.
Звали его Макс Шмелинг.
И был он знаменитым боксером, многократным чемпионом Германии.
В тяжелом бою он однажды победил самого Джо Луиса, звезду мирового бокса.
Вечером 9 ноября Макс по делам оказался в Берлине.
И тут ему в отель позвонил давний приятель Давид Левин.
- Позаботься о моих детях! – попросил он.

Шмелинг и Левин дружили много лет
У них были общие интересы, общие развлечения.
И оба они чувствовали, что им предстоит скорая разлука.
Германия становилась смертельно опасной для евреев.

Как раз накануне «Хрустальной ночи» Левин привез свою семью в Берлин, чтобы уладить последние дела перед эмиграцией.
Когда начались погромы, он понял, что есть только один человек, который может спасти его сыновей...

Уже сыпались витрины...
Уже трещали двери...
Уже пролилась кровь...
Когда Макс Шмелинг вез перепуганных детей через сошедший с ума город.

У Шмелинга братья Левины провели три самых страшных дня.
Потом на своем автомобиле он вывез их в безопасное место за городом.
А еще через два дня, когда стихла волна насилия и ненависти, отвез детей к отцу.

Вскоре семья Левиных выехала в Шанхай, а оттуда – в США.
О родственниках, оставшихся в Германии, Левины больше никогда не слышали.

Спустя много лет спасенные дети нашли Макса Шмелинга.
Они рассказали миру о мужестве человека, который рисковал жизнью, считая, что просто выполняет свой долг.
Это был трудный бой чемпиона.
Он вел его не за почести, не за славу, не за победу арийского духа.
Он спасал немецкую совесть.
Ведь недаром говорят: город спасется, если в нем будет хоть один праведник.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Дорогой мой!
Ты спрашиваешь, почему евреи не покинули Германию сразу после «Хрустальной ночи»?
Ответ простой: им просто некуда было ехать
Для немецких евреев мир разделился надвое: на места, где они не могли жить, и места, куда они не могли попасть.

Вот послушай историю еще одной еврейской семьи.
Их звали Карлинерами.
И у них было четверо детей.
Каким-то чудом папе-Карлинеру удалось раздобыть въездную визу на Кубу.
За большие деньги, конечно.
И в мае 1939 года вся семья вошла на борт океанского лайнера «Сент-Луис».
С ними из Гамбурга отправились в плавание еще 940 таких же счастливых.
Знал бы ты, какое облегчение испытали пассажиры, когда судно вышло из германских вод!
Они вырвались из ловушки!
Счастлив был и капитан Шредер.
Командир корабля сочувствовал бывшим соотечественникам и старался, как мог, облегчить им плавание.

Небо было спокойным.
Море ласковым.
И на четырнадцатый день Карлинеры увидели маяки гаванского порта.
Здравствуй, Куба!

Здравствуй и прощай!
Кубинские власти не разрешили пассажирам «Сент-Луиса» сойти на берег.
- Ваши визы недействительны! – заявили они. – Вас обманули продажные чиновники!..
Капитану Шредеру было приказано немедленно покинуть кубинские воды...

Перед бедными странниками словно захлопнули дверь.
Одна надежда поддерживала их:
рядом была Америка!
И капитан направил свой корабль к пляжам Майами.
Но...
Сторожевые корабли Соединенных Штатов получили приказ:
не допустить высадки немецких евреев на американском берегу!

Напрасно беженцы телеграфировали президенту Рузвельту.
Напрасно добивались встречи с ним.
Рузвельт заявил, что глубоко сочувствует, но ничего сделать не может:
в этом году Соединенные Штаты уже выполнили норму по приему
беженцев из Германии.
Представляешь?
Построенная руками пришельцев Америка закрывала свои границы перед
горсточкой «чужаков»!
Отказывала несчастным в праве на убежище!
Это был экзамен на человечность.
И Америка его не выдержала...

Два месяца курсировал «Сент-Луис» у побережья Соединенных Штатов.
Два месяца его пассажиры умоляли мир принять их.
- Мы разослали телеграммы всем странам в надежде, что хоть кто-нибудь
откликнется, - вспоминал потом Герберт Карлинер. – Мы ждали, но в
ответ – тишина...

Знали бы Карлинеры, что судьбу еврейских беженцев решили уже год назад!
Это было вскоре после захвата Гитлером Австрии.
Западным странам предложили выкупить 40 000 австрийских евреев.
В противном случае их ждал концлагерь...
И что же?

Во Франции, в городе Эвиане, собрались представители тридцати двух
стран.

Англичане удивились: почему нужно принимать близко к сердцу судьбу тридцати или сорок тысяч евреев?
И забывать о миллионах чехов, поляков, венгров?..

Швейцария сослалась на тяжелое экономическое положение.
В стране 10 000 безработных.
И 35 000 иностранцев.
- У нас просто нет места для новых беженцев!

Не нашлось места для австрийских евреев и в Австралии, Новой Зеландии, Эквадоре, Парагвае, Ирландии, Венесуэле, Боливии.

Франция извинилась за то, что не может поселить еврейских беженцев на Мадагаскаре.
Кстати, остров Мадагаскар был тем местом, куда Гитлер соглашался отпустить немецких евреев.

Представители Красного Креста заявили, что еврейский вопрос вообще не входит в круг их полномочий.

И 40 000 австрийских евреев были отправлены в концлагерь.
Ты знаешь, что это значило...

А у «Сент-Луиса» тем временем кончалось топливо.
А мир по-прежнему молчал.
И капитан Шредер повернул корабль назад, к берегам Европы.
Представляешь, как торжествовал Гитлер!
- Никто не хочет принимать евреев!
И бедные Карлинеры с ужасом представляли, что их ждет в Германии...

Время шло.
Время бежало.
«Сент-Луис» накручивал мили.
А капитан Шредер не отрывался от карты: где удобнее посадить судно на мель?
Может быть, это заставит прибрежные страны спасти людей!

И тут случилось чудо.
За два дня до подхода к берегам Европы пришла радиограмма:
Англия, Голландия, Бельгия и Франция согласны принять беженцев.
Каждая страна – по 230 человек.

Но что такое еврейское счастье?

Был самый конец июля 1939 года.

А знаешь, что случилось месяц спустя?
Гитлер напал на Польшу.
Началась Вторая мировая война
Через год все страны-спасители, кроме Англии, были оккупированы немцами.
И большинство пассажиров «Сент-Луиса» закончили свое странствие в газовой камере.
Из большой семьи Карлинеров уцелели только Герберт и его брат.
Их мать, отец и две сестры погибли в Освенциме.

Как тебе спится, Америка?

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Дорогой мой!
А теперь я расскажу тебе, что такое «окончательное решение еврейского вопроса».
У него много названий.
Шоа.
Холокост.
Катастрофа.
Но смысл один: убийство.
Понимаешь!
Настал день, когда фашисты решили, что ничто в мире не помешает им истребить нас.
Всех до одного.
Врачей и ученых, писателей и музыкантов, кузнецов и ткачей, каменщиков и типографских рабочих.
Старых мудрецов и девушек в цвету.
Больных и сирот.
Без страха и сомнения.
Только потому, что мы евреи.

Представь себе!
Вот они идут по нашей земле.
Молодые, решительные, уверенные.
Мундиры расстегнуты, рукава засучены.
А кругом горит хлеб.
Дымятся хаты.
Летят самолеты.
Их самолеты.
Грохочут танки.
Их танки.
- Что там за город впереди?
Тарнополь?

С этого дня в Тарнополе будет новый порядок.
Их порядок!

В Тарнополе жила женщина, имени которой я не знаю
Все, что от нее осталось – это письмо, найденное в распоротом платье.
Вот послушай:

Тарнополь, 7 апреля 1943 года

Мои дорогие!

Прежде чем уйти из этого мира, я хочу оставить вам, мои любимые, несколько строк. Если это письмо когда-нибудь дойдет до вас, меня и всех нас уже больше не будет. Наш конец приближается. Все это чувствуют, знают это. Все мы, так же как и уже казненные, ни в чем не повинные, незащищенные евреи, приговорены к смерти...

Что делать, если от человека остается только смерть?
Придумать ему жизнь.

Придумать тихий город, где евреев не меньше, чем поляков или украинцев.

Где течет теплая река Збруч.

И вокруг старого замка теснятся соборы.

Где босые ноги утопают в пыли.

И тонкие ручки проворно плетут венок из одуванчиков.

Где на закате бредут козы.

И гремят ведра... и звенят молочные струи...

И мама вглядывается в ласковый сумрак.

- Бася!.. Домой!..

А, может быть:

- Двося!...

А, может быть:

- Ханнеле!.. Овечка моя!..

А еще надо придумать школу.

И сложить первые слова из первых букв.

И показать ей города на карте

И сказать девочке, что на небе есть звезда, которая называется Антарес.

А еще надо повести девушку в кинематограф.

И дать ей поплакать над судьбой слепой цветочницы.

И умилиться робкой улыбке маленького бродяжки.

И нечаянно коснуться плечом соседа.

И зардеться в темноте от сладостного предчувствия.

*«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!
Глаза твои голубиные под кудрями твоими;
Волоса твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской...»*

Он говорил ей эти слова.
Веселый парень с ласковыми глазами.
Он стал ее мужем.
И жили они недолго, но счастливо.
Мы знаем, что звали его Давид.

...С Давидом все «покончено». Ах, как ему хорошо теперь.
У него все позади. А нас еще ждет пуля, которая принесет нам смерть...

Жизнь окончилась в июне сорок первого года.
В Тарнополь вошли немцы.
И установили в городе свой порядок.
Первым делом расстреляли «комиссаров».
Потом польских интеллигентов.
Потом еврейских мужчин.
Женщин, детей и стариков согнали в гетто.
Окружили колючей проволокой – как диких зверей в загоне.
И заставили жить в ожидании своей очереди.
А очередь была одна – за смертью.

А киевских евреев смерть застала врасплох.
Был день накануне Йом-Кипура.
И вдруг на домах и заборах появились объявления:

***Все жида города Киева и его окрестностей должны явиться в
понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол
Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбищ). Взять с собой
документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и
проч.***

***Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в
другом месте, будет расстрелян.***

Дорогой мой!
Я знаю, какое это испытание.
И все-таки я хочу перенести тебя в тот скорбный год...
В тот пасмурный месяц...
В то хмурое утро...
В последний из десяти дней покаяния, которыми открывается
еврейский Новый год...
«День искупления».

Мы встанем с тобой затемно.
Чтобы оказаться пораньше у поезда и занять места.
Ведь говорят, что киевских евреев повезут туда, где они будут жить
отдельно.
И заниматься посильным физическим трудом.
Кто?
Эти старики и старухи?
Эти женщины с грудными детьми?
Эти инвалиды в колясках?
Ну да...
Здоровые мужчины давно на фронте.
Кто мог уехать с родным заводом, непременно уехали.
А осталась одна еврейская голота.
И вот, плача и переругиваясь, она выползла на улицы.
С перевязанными узлами и ободранными фанерными чемоданами.
С заплатанными кошелками.

Смотри!
Рядом с нами бредет старик с плотницким инструментом.
А вот старуха с венком лука на шее.
А вот целая семья на подводе.
Их провожают соседи – русские и украинцы.
Слышишь, о чем они говорят?
- Куда повезут?.. Как повезут?..

Но что кричит эта немолодая женщина:
- Люди добрые, это смерть!..

И эти караимы у дверей своей синагоги:
- Дети, мы идем на смерть, приготовьтесь!..

- Перестаньте! – успокаивают их. – Это война, война! Нас вывозят
подальше, где спокойнее!

Но зачем эти проволочные заграждения поперек улицы?
И такой узкий проход между противотанковыми ежами?
И почему украинские полицаи отбирают у нас вещи
и бросают их в общую кучу?
- Багаж повезут отдельно, - объясняют люди друг другу.

Но почему где-то рядом все время строчит пулемет?

Ты все еще веришь, что нас ведут к поезду?

- Следующая десятка!

Нас загоняют в длинный коридор из солдат и собак.
И на нас сыпятся удары.
На головы, на спины и плечи, слева и справа.
Солдаты кричат: - Шнель! Шнель!
И весело хохочут.
А люди кричат, визжат.
Кто-то рыдает.
Помни, родной, главное – не упасть!
Порвут собаки!..

А что теперь?
На нас набрасываются полицаи:
- Раздвигаться! Быстро! Быстро!
И снова бьют дубинками, ногами, кастетами.
Чтобы мы не могли опомниться...

И гонят через прокоп в стене карьера.
И дальше – на узкий выступ в песчаной стене.
Не смотри вниз – там страшно.
Там еще кто-то шевелится.
Не смотри на ту сторону карьера – там пулеметы.
Они стреляют.
Вот он, евреи, ваш поезд...

А женщина из Тарнополя еще жила.
Представляешь!
Тень в жалкой трущобе.
Всегда голодная, замерзающая, больная.
Теряющая самых близких.
Самых родных.

...Теперь мы жили уже без матери, Верная душа, доброе
материнское сердце!.. Уже нет больше сил плакать, ты уже не
человек, сердце окаменевают, чувства притупляются...

Я знаю, теперь и ты спросишь: а где же был человек?
Что я могу тебе ответить?
Если и сам не знаю:
ГДЕ ТЫ БЫЛ, ЧЕЛОВЕК?
Где ты был, когда в последнее странствие шли евреи Одессы?
Старики, женщины, дети.
Рыбаки и биндюжники, «пикейные жилеты» и вундеркинды из школы
Столярского.
Море шумело за спиной – словно прощаясь со своим народом.
И в воздухе носилась мелкая соленая пыль.

Где ты был, человек, когда на берегу Даугавы убивали рижских евреев?
И знаешь, кто?
Местные фашисты!
Латыши.

Где ты был, человек, когда под Симферополем три дня раздавались
пулеметные очереди – «решался еврейский вопрос» в Крыму?

Где ты был человек?
Только не говори, что ты ничего не знал!

Британская секретная служба – лучшая в мире.
Уже 18 июля 1941 года на столе у ее шефа лежала расшифрованная
немецкая телеграмма:
"Расстреляно 1153 еврейских бандита".
А 7 августа шеф британской разведки читал радиogramму генерала фон Бах-
Залевского:
«Уничтожено 30 тысяч евреев».
Перехваченные донесения немедленно передавались премьеру
Черчиллю.
О массовых расстрелах в Харькове.
Во Львове.
В Витебске.
В Вильно.
Черчилль знал: во всех советских городах, захваченных немцами, евреи
беспощадно уничтожаются.
Знал об этом и президент Рузвельт.
И что же?

Когда американская газета «Нью-Йорк таймс» напечатала короткое
сообщение: «Убит миллион евреев», Государственный департамент заявил:
«Сведения о массовых убийствах евреев не подтверждаются».

Представляешь!
Гитлеру в очередной раз развязали руки:
миру на евреев наплевать!
И немцы на нашей земле могут забивать рвы и овраги еврейскими телами.

Вот и дошла очередь до женщины из Тарнополя.
И она заканчивает свое прощальное письмо:

...Так убого, так безжалостно мы должны погибнуть. Верите ли вы,
что мы хотим такого конца, хотим так умереть? Нет! Нет: мы не
хотим!..
Нелегко расстаться навсегда. Прощайте, прощайте...

За окном шумят машины, скрипит трамвай.
За стеной кто-то слушает «Призрак Оперы».
Двадцать первый век.
А то место, откуда в никуда ушел еврейский поезд,
называется Бабий Яр.
Посмотри на небо.
Может быть, этот поезд там, среди звезд...
- Когда же наша станция? – волнуются пассажиры.
Старики и старушки с Подола.
Женщины и дети с Пущи Водицы.
Сто тысяч киевских евреев.

И еще миллион еврейских душ, замученных, расстрелянных, умерщвленных
на нашей земле.

Врагом, пришедшим, чтобы убить меня и твою бабушку.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Дорогой мой!
Иногда я спрашиваю себя: зачем я рассказываю тебе все это?
Зачем тебе знать о судьбе каких-то далеких Леви?
О жертвах «Хрустальной ночи»?
О страданиях неизвестной женщины из Тарнополя?
Или о последнем марше евреев Киева?
Ведь это было так давно.

Так давно, что многие даже сомневаются
а было ли это вообще?

В польских... украинских... белорусских городках люди живут так, будто
никаких евреев здесь никогда не было.
Будто они не жили здесь веками.
И никто не рассказывает детям о друзьях и соседях, которые исчезли
за один день и за одну ночь.
И от них даже могил не осталось.
Только пепел, который спустили в реки.
Или развеяли по ветру.
И единственная ниточка, которая удерживает их во Вселенной, - моя и твоя
память.
Оборвать ее ничего не стоит.
Надо только забыть.
Не знать.

Но как бы тогда не пришлось спрашивать у новых убийц:

- За что?

Вот почему я расскажу тебе еще одну историю.

О жизни и смерти белорусского еврея.

Залмана Градовского.

...я написал это, находясь в зондеркоманде. Я закопал это в яму с пеплом, как в самом надежном месте, где, наверное, будут вести раскопки, чтобы найти следы миллионов погибших...

Он был обыкновенным служащим в местечке Луна под Гродно.

И было ему тридцать три года, когда немцы напали на Советский Союз.

В считанные дни война прокатилась по местечку.

И начался *«новый порядок»*.

Желтые звезды на одежде...

Гетто...

Полицаи...

В январе 1943 года семью Градовских вместе с другими гродненскими евреями загнали в товарный состав.

По сто человек в вагон с забитыми окнами.

Загудел паровоз.

Состав дернулся.

И больше никогда никто из этого поезда не вернулся в Гродно.

Поздней ночью состав остановился на запасном пути.

Залман прижался к щели в вагонном окне.

«Освенцим» – разобрал он на указателе.

И в ту же минуту его ослепил свет прожекторов.

Заскрипели двери.

- Raus! Raus!.. Schnell! – посыпались команды.

- Вон! Вон!.. Быстро!

Пыхтел паровоз.

Струи пара заволакивали платформу.

Вдоль нее тянулась шеренга эсэсовцев с овчарками.

Мрачные мужчины в полосатой одежде гнали людей из вагонов.

- Где мы? - спросил у одного из них Залман.

Человек беспокойно оглянулся по сторонам.

- Лагерь смерти... - сказал он чуть слышно.

- Мужчины налево, женщины с детьми направо! – командовал громкоговоритель.

Удар дубинки отбросил Залмана от жены и детей.
Вместе с матерью и сестрами они растворились в облаке пара.
Так Залман навсегда потерял их.

Мужчины длинной вереницей двигались к столу, где эсэсовец
«дирижировал» палкой:

- Направо! Налево! Налево! Налево!..
Налево ушли отец Залмана и его младшие братья.
Так Залман навсегда расстался и с ними.

Залману Градовскому «повезло».
Крепкий и здоровый, он был отобран для нужд лагерной машины.
Он стал членом «Sonderkommando» - особой команды из числа
заключенных евреев, обслуживавшей весь конвейер смерти.
Именно они встречали пригоняемые в Освенцим эшелоны.
А потом собирали оставленные в вагонах вещи.
Именно они поддерживали порядок в женской очереди
к «дирижеру»-эсэсовцу.

Теперь Залман знал, как закончилась жизнь его родных.
Как жена и сестры вели плачущую мать.
Как держали ее за руки и старались утешить.

- Мама, ведь ты прожила хорошую жизнь?
- Да, но ведь вы обе еще не жили. Почему вы должны умереть?
- Не думай об этом. Не думай о нас. Я не жалею, что умру...

Мать могла попросить у эсэсовца немного воды.

- Вы получите кофе, когда прибудете на место.

А Залман уже слышал шум электромоторов:
начинали работать огромные вентиляторы, нагнетающие воздух
в печи...

От платформы до ворот крематория триста метров.
Люди шли медленно.
Дети цеплялись за одежду женщин.
Малышей несли на руках или везли в колясках.
У ворот всех выстраивали пятерками.
И по дорожке мимо газонов подвели к дверям с вывесками:
«Душевые» и «Дезинфекция».

Как-то раз у дверей «Душевой» скопилась очередь.
Маленькой девочке надоело ждать.

- Мама! Что мы здесь делаем? – спросила она.
- Подожди, милая! Сейчас мы помоемся, а потом уж поедem туда же, где
дедушка и бабушка!

- А можно я пока потанцую? – попросила девочка.
И она начала танцевать.
Окруженная женщинами и детьми пятилетняя девочка плясала кадрили.
Но тут пришел комендант Крамер.
- Здесь не театр! – скомандовал он.
И погнал всех в газовую камеру...

Несколько минут слышались крики и стоны.
А уже через полчаса двери камеры открывались ...
Мертвые стояли - в камере было так тесно, что они не могли упасть.

Но уже работали мощные вентиляторы.
И уже одни заключенные из зондеркоманды грузили одежду и обувь в машины.
А другие вытаскивали тела убитых из газовых камер.
И загружали их в печи крематория.
Гудело пламя.
Едкий дым поднимался над кирпичными трубами.

Залман Градовский слышал, как девушки, разлученные с родителями эсэсовским «дирижером», спрашивали у охранниц:

- Когда придут наши мамы?
Охранницы, очерстевшие за годы лагерной службы, показывали на дымящиеся трубы.
- Там ваши мамы, дурочки.
- Разве вы не видите пламя? Там горят ваши мамы, ваши отцы превратятся в пепел, ваши маленькие братья и сестры попадут на небо...

Однажды над трубами крематория долго кружил английский самолет-разведчик.

- Почему они не бомбят? – спрашивал себя Залман Градовский. – Ведь дым из труб крематориев стелется по всей округе?..

... мы сами не надеемся дожить до момента свободы. Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожать и вырывать с корнем остатки еврейского народа...

Прав или не прав был Градовский?
Я смотрю на черно-белую фотографию с газетной полосы.
Стройные ряды бараков, разделенные ровными полями.
Дымное облако на левой стороне снимка.
Это Освенцим.
«Фабрика смерти», снятая британским летчиком в 1944 году.
Некоторые снимки настолько четкие, что на них можно видеть людей.

И я спрашиваю себя:

почему они не бомбили?

В это время фашисты уничтожали венгерских евреев.

Разрушение подъездных путей и крематориев могло отсрочить их гибель.

Дать понять немцам, что союзники знают о происходящем.

И что возмездие будет неотвратимым.

Сегодня известно, что вопрос о бомбардировке Освенцима обсуждался и в Англии, и в Америке.

Евреи всего мира обращались к Черчиллю и Рузвельту, умоляя их помешать уничтожению народа.

Черчилль сочувственно кивал.

Черчилль называл уничтожение евреев "вероятно, самым ужасным из преступлений, когда-либо совершенных в мировой истории".

Однако в июле 1944 года он предупредил, что бомбардировка лагерей смерти будет достаточно опасной и обойдется дорого.

А министр иностранных дел Британии Антони Иден заявил, что у его страны хватает собственных забот...

Правительство Соединенных Штатов также изучало вопрос: способна ли бомбардировка Освенцима и подъездных путей к нему спасти значительное число евреев.

Помощник военного министра Джон Макклой вспоминал потом:

"Я помню, что, когда я заговорил об этом с г-ном Рузвельтом, он реагировал раздраженно и дал понять, что бомбежка Освенцима бесполезна".

- Дайте нам выиграть войну, и мы накажем всех виновных!

...перед нашими глазами погибают теперь десятки тысяч евреев из Чехии и Словакии. Евреи эти, наверное, могли бы достигнуть свободы... Получается впечатление, что союзные государства, победители, косвенно довольны нашей страшной народной участью...

 Залман Градовский понимал, что до конца войны ему не дожить. Фашистам не нужны свидетели. И у особой команды была одна дорога – в печь. Но прежде чем погибнуть, она попыталась сделать то, на что не решилась авиация союзников.

Взорвать крематории!

...мы, зондеркоманда, уже давно хотели кончить с нашей страшной работой, принуждаемые к ней ужасом смерти. Мы хотели сделать большое дело... День близок – может быть, сегодня или завтра...

Залман Градовский был одним из руководителей восстания.
Он доставал оружие и взрывчатку.
Он подбирал людей.
И заканчивал свой дневник.
Десять месяцев Градовский вел эти записки свидетеля.
Летопись лагеря смерти.
И перед началом восстания схоронил ее в яме с пеплом казненных.

...дорогой археолог, ищите всюду. На каждом клочке площади.
Лежат там (закопаны) десятки моих и других документов,
которые бросят свет на все, что здесь происходило и
случилось. Также зубов здесь много закопано, это мы, рабочие
команды, нарочно рассыпали, сколько только можно было по
всей площади, чтобы мир нашел живые следы миллионов убитых...

7 октября 1944 года по всему Освенциму завыли сирены.
Застучали пулеметы.
Грохнул взрыв.
И запылал Четвертый крематорий...
Бой продолжался до самого вечера.
Почти все восставшие погибли с оружием в руках.
И среди них Залман Градовский.

Через три недели после восстания фашисты прекратили массовые убийства
в газовых камерах.
И начали разбирать крематории.

...я пишу эти строки в момент величайшей опасности и
возбуждения. Пусть будущее на основании моих записок вынесет
нам приговор, и пусть мир увидит в них каплю, минимум того
страшного трагического света смерти, в котором мы жили...

Когда советские солдаты вошли в Освенцим, они нашли на складах запасы
«Циклона-Б».
Вещества, которым травили узников.
Там было 20 миллионов доз!
А ВО ВСЕЙ Европе, включая Советский Союз, оставалось
5 миллионов евреев.

Кого следующего фашисты собирались «назначить в евреи»?

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Дорогой мой!

И все-таки я хочу, чтобы ты знал: жизнь не похожа на картину, которая пишется одной краской.

Просто бывают в истории бессовестные времена.

Но они проходят.

И тогда каждому приходится держать ответ:

- Где ты был, человек?
- Я выполнял свою миссию! – отвечает один.
- Я исполнял приказ! – объясняет другой.
- А что я мог сделать? – оправдывается третий.

Но есть и четвертые... и пятые... и шестые...

- Я делал то, что велела мне совесть... - негромко говорит каждый из них.

В Иерусалиме, на Святой земле, посажен Сад из многих тысяч деревьев.

Это Сад Праведников мира.

Каждое дерево – памятник.

Человеку из Германии.

Человеку из Польши.

Человеку из Франции.

Человеку из Белоруссии и Украины.

Человеку из России.

Человеку с планеты Земля, который в бессовестное время сохранил жизнь хотя бы одному еврею.

Светит солнце.

Идут зимние дожди.

Дует ветер пустыни – хамсин.

А Сад все крепче укореняется в земле наших предков.

Вечно зеленый.

Вечно окутанный теплом человеческой благодарности.

Слушайте! Слушайте!

- Я – Яков Маниович!.. Я мальчик из еврейской Одессы... Я бежал из лагеря... из горящего барака, в котором погибла моя семья... Я не знал, где мне спрятаться, куда идти... И я вернулся в город... в наш двор на улице Тираспольской... к соседке - тете Тосе Ляховой... И она, и ее сын Володя прятали и спасали меня... Эти Праведники не жалели свои жизни, чтобы спасти мою!

- Я – Фрида Михельсон!.. Я была в рижском гетто... Я уцелела во время расстрела - ночью выбралась из траншеи и ушла в лес... Там меня приняли латыши – адвентисты седьмого дня... Они переправили меня в Ригу к сестрам Клебайс... Две пожилые женщины, Маргарита и Александра, скрывали меня в своей квартире до дня освобождения Риги... Потом я вышла замуж, родила двух сыновей... И никогда не уставала повторять им, кому вся наша семья обязана жизнью!

- Я – Самуил Олинер, историк!.. Мне было двенадцать лет, когда я убежал из гетто... Меня приютила польская крестьянка по имени Бальвина... Она научила меня говорить и писать по-польски, объяснила, как вести себя в церкви и как правильно молиться... Теперь все принимали меня за поляка, и я смог найти работу в соседней деревне... После войны я увлекся историей и написал книгу о Праведниках Мира. Я хотел сказать в ней, что жизнь на Земле не имела бы смысла, если бы рядом с ненавистью и предательством, не шли милосердие и верность!

- Я – Бен Козн – еврей из Берлина!.. Меня спас капитан Фрэнк Фоули!.. Несмотря на запрет своего правительства, этот офицер британской миссии выдал мне дополнительную визу в Палестину... Капитан Фоули вырвал из лап смерти тысячи евреев!.. Благодаря таким Праведникам на Земле сохраняется Вера и Надежда!

- Я – Отто Франк!.. Больше двух лет я прятал свою семью в перестроенной конторе в Амстердаме... Мы не продержались бы так долго, если бы не помощь смелых и благородных людей. Это простые служащие моей фирмы: господа Коопхойс и Кралер, стенографистка Элли Воссен, молодые супруги Мип и Хенк ван Сантен. Почти все они разделили нашу судьбу... И слова восхищения в Дневнике моей дочери Анны – малая дань подвигу этих Праведников!

28 января 1944 г.

...Просто поразительно, сколько добра делают эти благородные, бескорыстные люди: рискуя собственной жизнью, они помогают спасать людей. Никогда ни единым словом они не намекнули нам, какая мы обуза, а мы действительно обуза!

Никогда мы не слышали жалоб на то, как с нами трудно.

Всегда у них веселые лица, по праздникам и дням рождения нам приносят цветы, подарки, и в любой час они готовы прийти на помощь.

И хотя вокруг совершается столько героических подвигов и на войне и в тылу, мы вечно будем помнить самоотверженную жертву наших друзей тут, каждодневные доказательства их дружбы, их любви!

Слушайте! Слушайте!

- Я – Нильс Хенрик Давид Бор, датский физик, еврей по матери!..
Я знал, что немцы готовят депортацию евреев из Дании... Но когда?
28 сентября 1943 года морской атташе немецкого посольства в
Копенгагене Георг Дуквиц предупредил датские власти: 2 октября!
И тогда датский народ совершил совершенно непонятный для рабского
фашистского разума поступок.

Сотни простых датчан ринулись к морскому берегу и за две ночи на
рыбачьих судах и прогулочных катерах переправили «своих» евреев в
нейтральную Швецию...

- Если горит дом соседа, то каждый должен помочь ему побороть пламя!
– считали датчане...

Слушайте! Слушайте!

- Мы – потомки евреев, изгнанных из Испании пять столетий назад!
Нас спасло от газовых камер вмешательство генералиссимуса Франко!
Согласно его указу всякий еврей, чьи предки жили когда-то в Испании,
имел право на испанское гражданство и находился под защитой
правительства Испании...
Тысячи евреев Голландии, Греции, Франции нашли убежище на испанской
земле... Напрасно Гитлер настаивал на их выдаче. Каудильо был тверд.
А католическая церковь Испании поддерживала его.

- Мы – евреи Финляндии! Финское правительство воевало на стороне
фашистской Германии. Но ни один финский еврей не был выдан
фашистам!

- Мы – евреи Болгарии!.. Нас спас весь болгарский народ!..
Когда немцы потребовали нашей депортации в лагеря смерти, в защиту
болгарских евреев выступили почти все политические партии, депутаты
Народного собрания, руководство святого Синода православной церкви...
Царь Борис вызвал германского посла и категорически заявил: "Евреи
моей страны - ее подданные и всякое посягательство на их свободу мы
воспримем как оскорбление болгарам".
Вот почему для нас, спасенных евреев, болгарский народ – Праведник
мира!

Светит солнце.

Идут зимние дожди.

Дует ветер пустыни – хамсин.

Но от рассвета и до заката не стихает шорох шагов в Саду Праведников.

И тихий шепот слов благодарности.

Люди разных рас и стран склоняют головы у дерева Рауля Валленберга. Все
знают, как этот шведский дипломат спас десятки тысяч венгерских евреев.
И как он погиб...

Люди ищут дерево Оскара Шиндлера.
И пусть в знаменитом фильме образ немецкого предпринимателя
«улучшен» и приукрашен, факт остается фактом: этот сложный и
противоречивый человек вырвал из лап гестапо тысячу двести еврейских
рабочих своей фабрики...

Люди молятся у дерева матери Марии.
Эта русская монахиня, укрывала еврейских детей в монастырях Франции.
В конце концов, она попала в концлагерь
И, как говорят свидетели, добровольно пошла в газовую камеру, чтобы
ободрить и поддержать обреченных...

Вечная память всем, чьи деревья-памятники шелестят в заповедном Саду!
Вечная слава Праведникам!
И пусть их было гораздо меньше тех, кто мог помочь своим братьям
и не помог им.
И пусть спасли они только малую часть тех, кого можно было спасти.
Не будем считать проценты!
Ведь недаром сказано:
- Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир!